Исторія одного убитаго оленя.

Въ сентябрьской книгѣ журнала „Природа и Охота“ за 1890 годъ я прочиталъ статью г-на Костецкаго, подъ заглавіемъ: „Двѣ осѣчки“, которая напомнила мнѣ одинъ анологичный случай изъ нашихъ крымскихъ охотъ въ горахъ.

До воспрещенія въ Крыму охоты въ казенныхъ лѣсахъ, мы благодушествовали. Нерѣдко, собравшись, довольно большой компаніей, человѣкъ въ 10—12, мы направлялись въ горы, гдѣ отдыхали на лонѣ природы отъ однообразной городской жизни, любуясь прелестями крымскихъ видовъ и упиваясь гономъ сборной стаи гончихъ.

16 ноября 187.... года собралось насъ человѣкъ двѣнадцать. Мы хотѣли провѣдать козъ и оленей въ Кареоланской казенной дачѣ Бешуйскаго лѣсничества. Сговаривались мы цѣлую недѣлю, такъ какъ въ нашей компаніи участвовали чиновники, адвокаты, прокурорскій надзоръ, мировой судья, офицеры, купцы, словомъ сборная дружина; но, сказать правду, всѣ были охотники, настоящіе охотники! Запаслись мы всѣмъ необходимымъ, назначили сборный пунктъ въ деревнѣ Бешуй, у мѣстнаго волостного старшины Велиша-Оглу, и въ субботу, въ два часа, двинулись къ мѣсту назначенія на мажарахъ, по два, три и четыре человѣка.

Погода стояла отвратительная. Дождь моросилъ, вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Дорога отъ безпрерывныхъ дождей представляла изъ себя однѣ рытвины, наполненныя жидкою грязью. Тѣмъ не менѣе мы чувствовали себя

отлично и съ хохотомъ переносили довольно ощутительные толчки нашихъ мѣстныхъ, татарскихъ экипажей (мажаръ).

Кортежъ нашъ состоялъ изъ трехъ мажаръ съ охотниками, одной съ собаками и провизіей, и одной рессорной брички. Ѣхали мы очень медленно, шагъ-за-шагомъ. Растянулся нашъ поѣздъ версты на двѣ, вслѣдствіе постоянныхъ поломокъ въ рессорной бричкѣ. Доѣхали мы до Бешуя только къ семи часамъ вечера, т. е. мы сдѣлали девятнадцать верстъ въ пять часовъ!—Можете себѣ представить съ какимъ наслажденіемъ ввалились мы въ теплую избу – гостепріимный домъ у татаръ.

Любезный хозяинъ, по примѣру предковъ, преподнесъ намъ по миніатюрной чашечкѣ чернаго кофе (кара-гаве) и предложилъ переночевать, такъ какъ ѣхать дальше, въ виду полнаго разлива рѣки Алмеи, не было никакой возможности. Нельзя было не согласиться съ такими доводами и мы рѣшили переночевать. Хозяинъ далъ въ наше распоряженіе цѣлую гору подушекъ, набитыхъ бараньею шерстью и десятка полтора толстыхъ войлоковъ мѣстнаго издѣлія. Расположились мы на полу, въ повалку, очень удобно, рѣшивъ встать какъ можно раньше и послѣ чая ѣхать дальше.

Часовъ около девяти публика уже начинала дремать и даже въ одномъ углу раздавался храпъ довольно звучный.

Вѣтеръ затихалъ, небо прояснялось и день обѣщалъ быть благопріятнымъ.

Лежа на мягкихъ подушкахъ, я рисовалъ въ воображеніи знакомую мѣстность Кареоланской дачи, возстановлялъ въ памяти тѣ мѣста, гдѣ видѣлъ оленей, гдѣ убилъ козла, гдѣ пропуделялъ по стоячей козѣ, и уже готовъ былъ послѣдовать общему примѣру,—заснуть богатырскимъ сномъ, какъ заслышалъ отдаленный звукъ колокольчика. Обстоятельство это вывело меня изъ дремоты; я сѣлъ на своей постели и началъ вслушиваться. Дѣйствительно звуки колокольчика становились все яснѣе и яснѣе. Я никакъ не могъ сообразить кого еще Богъ намъ посылаетъ, потому что вся компанія была въ сборѣ. Развѣ кто самъ надумалъ примкнуть къ намъ?

Наконецъ повозка подъѣхала къ крыльцу и остановилась.

Въ ожиданіи новаго гостя я зажегъ свѣчку. Спустя нѣсколько секундъ въ комнату вошелъ нашъ общій знакомый полицейскій чиновникъ И. А., котораго дѣла службы въ такое ненастье загнали въ деревню Бешуй.

Узнавъ въ чемъ дѣло и освѣдомившись изъ кого именно состоитъ спящее царство, И. А. рѣшилъ ночевать съ нами и завтра съ разсвѣтомъ устроить намъ поѣздку до Кареоланской дачи верхами, потому что проѣздъ по Алминской долинѣ въ мажарахъ представляетъ большое неудобство, въ виду половодья.

Порѣшили и легли спать.

Спали какъ убитые, даже проспали назначенный часъ. Встали около восьми часовъ и давай тормошить одинъ-другого. Засуетились всѣ и каждому хотѣлось выѣхать раньше другого; но по справкѣ оказалось, какъ доложилъ нашъ, ночью прибывшій, И. А., что лошади, договоренныя имъ по 1 р. 60 к. въ день, еще не готовы и прибудутъ только черезъ полчаса.

За такую любезность мы рѣшили пригласить съ собою И. А. на охоту, такъ какъ онъ считалъ себя отличнымъ охотникомъ, разсказывалъ много о своихъ подвигахъ, хотя своего ружья никогда не имѣлъ и никто никогда его на охотѣ не видалъ.

И. А. весьма охотно принялъ наше приглашеніе и тутъ-же приказалъ уряднику раздобыть двухстволку и носить ее за нимъ.

Въ ожиданіи лошадей рѣшено было позавтракать, чтобы не засиживаться въ Кареоланской казармѣ, а ѣхать прямо на мѣсто охоты. Собакъ отправили впередъ съ двумя татарами, на двухколесной арбѣ, запряженной буйволами.

Къ концу завтрака привели лошадей и часовъ около десяти мы двинулись къ Кареолану.

Разстояніе въ шесть верстъ мы проѣхали не болѣе часа; объѣздчиковъ въ казармѣ мы уже не застали, такъ какъ они съ собаками пошли къ мѣсту наброса. Мы ра-

зобрали №№ и, по порядку ихъ, поѣхали гуськомъ на всѣмъ знакомыя мѣста.

Мнѣ достался № 12-й, а И. А.—13-й, слѣдовательно намъ пришлось стоять рядомъ, послѣдними.

Мѣсто мое было превосходное. Я стоялъ за столѣтнимъ букомъ, надъ склономъ пологой балки, поросшей крупными дубами и буками, съ самымъ незначительнымъ подсѣдомъ и почти всё было у меня на виду. И. А. сталъ ниже меня, справа, шагахъ въ двухстахъ, вооружившись двухстволкою, привезенною урядникомъ и поставивъ около себя, шагахъ въ сорока, мужичка охотника изъ ближайшей деревни Саблы, который совершенно случайно примкнулъ къ намъ около казармы лѣсныхъ объѣздчиковъ.

Когда лошади были отведены урядникомъ на почтенное разстояніе, я подалъ сигналъ въ рогъ для наброса собакъ. Затѣмъ зарядилъ ружье картечью и, прислонивъ его къ дереву, сталъ прислушиваться не начался ли гонъ.

Погода стояла восхитительная. Солнышко блестѣло и своими теплыми лучами чудесно обогрѣвало совершенно оголенныя деревья. Тишина вокругъ непробудимая, только сосѣдъ мой съ правой стороны обращалъ на себя вниманіе постояннымъ прикладываніемъ ружья къ плечу, или же закуриваніемъ отсырѣлой папиросы. Наконецъ и онъ угомонился, и присѣвъ около дерева, началъ разсматривать свое ружье фабрики братьевъ Баташевыхъ.

Прошло минутъ двадцать. Слышу съ горы голосъ одной гончурки. Къ ней подвалила другая, третья—и пошла потѣха! Взялъ я ружье въ руки, торопливо взвелъ курки и замеръ.

И. А. послѣдовалъ моему примѣру, всталъ, затѣмъ осмотрѣлся вокругъ и по какимъ-то соображеніямъ направился правѣе, за бугоръ, ближе къ своему ассистенту, Саблынскому мужичку, такъ что мнѣ не стало его видно.

Обстоятельство это меня очень порадовало, такъ какъ козы очень внимательны во время гона и малѣйшая оплошность со стороны охотника можетъ лишить возможности сдѣлать по нимъ выстрѣлъ, а И. А. ни одной секунды не могъ пробыть тихо, безъ движеніи. Было очевидно, что

И. А. не имѣетъ никакого представленія о лѣсныхъ охотахъ вообще, а въ Крыму—въ особенности.

Успокоившись, я сосредоточилъ все свое вниманіе на лежащей предо мною балкѣ, въ ожиданіи шумового звѣря, потому что собаки повели за бугоръ, по направленію къ межѣ помѣщика Каракаша.

Такъ прошло около десяти минутъ напряженнаго вниманія; я началъ уже успокоиваться въ полной увѣренности, что долго собаки не задержатся въ помѣщичьемъ лѣсу, такъ какъ тамъ шла постоянная рубка дровъ, и звѣрь непремѣнно долженъ былъ переваливать обратно въ казенный лѣсъ.

Разсуждая такимъ образомъ, я нашелъ возможнымъ присѣсть и сдѣлать папиросу; но лишь только объ этомъ подумалъ, какъ на бугрѣ, противъ меня, шагахъ въ шестистахъ, показалось цѣлое стадо оленей. Два старыхъ красавца рогаля, да штукъ пять олениць и при нихъ штуки три молодыхъ оленятъ.

Увидавъ такую картину, я замеръ безъ дыханія и безъ движенія. Не знаю долго-ли бы продолжалась эта нѣмая сцена, еслибы съ № 7, выше меня, гдѣ стоялъ судья Ѳ. А., не послѣдовалъ выстрѣлъ. Этотъ современный Соломонъ вообразилъ, что изъ его винтовки, пріобрѣтенной во время кругосвѣтнаго плаванія, въ 1820 годахъ, въ дни его гардемаринства, можно убить и на такую дистанцію оленя, если взять вѣрно прицѣлъ. Прицѣлъ, конечно, былъ взятъ невѣрно и стадо пустилось въ разсыпную. Часть его направилась черезъ цѣпь. Одинъ рогаль наткнулся на № 4, гдѣ стоялъ представитель прокуратуры В., и прошелъ мимо него, шагахъ въ шести, т. е. чуть не сбилъ съ ногъ и, несмотря на выпущенные два заряда, благополучно прошелъ во-свояси. Двѣ самки съ оленятами прошли мимо 2-го №, гдѣ стоялъ докторъ Н. А., но онъ,—надо отдать ему справедливость,—не поднялъ даже ружья, что видѣли сосѣди, потому что въ жизнь свою онъ ни разу не стрѣлялъ по самкамъ этого благороднаго вида. Остальныя самки поднялись на бугоръ и обойдя цѣпь стрѣлковъ, благополучно спустились въ Кареоланскую казенную дачу. Ста-

рѣйшій же родоначальникъ этой благонравной семьи дольше другихъ остался на своемъ мѣстѣ и почему-то не послѣдовалъ общему увлеченію, а направился наискось бугра, внизъ по балкѣ.

Шелъ онъ легкою поступью, не замѣчая меня, и тутъ-то я вдоволь налюбовался красавцемъ, украшеніемъ и перломъ нашей крымской фауны! Шелъ онъ плавно, граціозно, даже горделиво, если только можно такъ выразиться, но тѣмъ не менѣе уходилъ, и уходилъ безъ выстрѣла, такъ какъ не подошелъ ко мнѣ ближе 250 шаговъ, а направился за бугоръ, куда исчезъ нашъ любезный И. А.

Когда олень скрылся, я сошелъ съ мѣста, разсчитывая направиться на сборный пунктъ, какъ услыхалъ весьма отчетливо одну, а затѣмъ другую осѣчку.

Болѣзненно сжалось мое сердце. Я нисколько не сомнѣвался, что осѣчки эти были сдѣланы И. А., потому что раздобытое ружье могло имѣть отсырѣвшіе пистоны.

Почти одновременно съ осѣчкой раздался тамъ же оглушительный выстрѣлъ и все замерло.

Меня крайне заинтересовало, кто сдѣлалъ выстрѣлъ и у кого осѣклось ружье? Я послалъ лѣсного объѣздчика разузнать обо всемъ подробно, а самъ поплелся на сборный пунктъ, гдѣ долженъ былъ быть приготовленъ горячій завтракъ.

Послѣ столькихъ минутъ волненія организмъ мой требовалъ подкрѣпленія и я торопился на сборную поляну.

Подходя къ полянѣ, я увидѣлъ всю компанію въ сборѣ; не было только нашего блюстителя порядка И. А.

Не успѣлъ я поставить ружья, какъ начались разспросы: кто стрѣлялъ, что убилъ и проч. Разсказавъ о случившемся на лѣвомъ флангѣ, я въ свою очередь началъ разспросы и вмѣсто отвѣта услыхалъ злыя шутки по поводу двухъ промаховъ въ шести шагахъ по такой мишени, какъ олень; особенно много острилъ Л. Р. (весьма словоохотливый адвокатъ.)

Къ концу завтрака подошелъ объѣздчикъ, который доложилъ, что г. офицеръ убили оленя, разбираютъ его на мѣстѣ и къ завтраку просили не ждать.

Всѣ были поражены неожиданною новостью. Вѣрить не хотѣлось, чтобы это была правда. Однако пришлось помириться съ новостью,—не было никакихъ данныхъ для опроверженія.

Выкурили по папиросѣ, дали собачаткамъ по куску хлѣба и рѣшили сдѣлать еще одинъ загонъ.

Въ послѣднемъ загонѣ намъ посчастливилось: братья Аяксы Вол... убили по козѣ; судебный приставъ Г. убилъ пару козъ дублетомъ; и я убилъ козла.

Затѣмъ порѣшили закончить охоту, ѣхать въ Бешуй, пообѣдать и, если будетъ возможно, выѣхать обратно въ Симферополь.

Когда мы пришли въ Кареоланскую казарму, то насъ озадачило извѣстіе, что И. А. уѣхалъ въ Бешуй вмѣстѣ съ добычею на нашей арбѣ, предназначенной для собакъ и убитой дичи. Подивились мы столь безцеремонной выходкѣ, но дѣлать было нечего. Второчили козъ и потихоньку поѣхали на Бешуй. Объѣздчикъ взялся на своихъ лошадяхъ доставить намъ собакъ.

Въ Бешуй пріѣхали довольно поздно,—уже стемнѣло.

Волостной старшина встрѣтилъ насъ на порогѣ своего гостепріимнаго дома.

— А шиновникъ-фицеръ уже ѣхалъ Симферапольъ, — объявилъ онъ намъ.

— Куда же онъ дѣвалъ оленя?

— Здесъ, угламъ лежитъ.

Оказалось, что въ саняхъ, на полу, въ попонѣ лежало 12 кусковъ оленины, фунтовъ по десяти каждый, т. е. распредѣлено было каждому охотнику по куску.

Нужно замѣтить, что въ Крыму между охотниками существуетъ такое правило: убившій оленя не пользуется имъ всецѣло: ему принадлежатъ рога, шкура и ноги; мясо же дѣлится поровну между всѣми участвовавшими на охотѣ стрѣлками.

Такая выходка со стороны И. А. насъ возмутила, но мы конечно ничѣмъ не могли противодѣйствовать ей.

Черезъ десять минутъ вся компанія сидѣла за столомъ и съ аппетитомъ уплетала татарскую шорбу (супъ изъ ба-

ранины); затѣмъ подали пловъ; не успѣли мы разобрать его по тарелкамъ, какъ быстро распахнулась дверь и въ комнату ввалился пьяный мужикъ, въ которомъ я сейчасъ же призналъ саблинскаго охотника, стоявшаго съ доблестнымъ И. А.

Всѣхъ насъ озадачило внезапное явленіе пьянаго мужика.

— Что тебѣ нужно?

—„Якъ що, отвѣтилъ обиженно мужикъ; тутъ грабуютъ, а винъ петае що тоби нужно?

Отвѣтъ былъ непонятенъ, а потому словоохотливый Л. Р. приступилъ къ слѣдствію.

— Кто-же тебя ограбилъ?

—Якъ хто? да винъ; що поихавъ; хеба не знаете?

— Чѣмъ-же онъ тебя ограбилъ?

— Чимъ?

Да.

— Да тымъ що мого оленя увизъ!

Тутъ стало всѣмъ ясно въ чемъ дѣло. Однако, чтобы узнать всѣ подробности, Л. Р. пустился въ распросы и хохолъ разсказалъ слѣдующее:

— Стоемо мы соби, винъ спереду, а я позаду; якъ почалы вы тамъ у гори палыть, такъ мы и налагодылысь,— може що и на насъ набижыть! повзводылы куркы, да и мовчемо; ашъ гулькъ! бачу, попередъ пана, якъ съ пидъ земи вырись олень, да и ставъ! а винъ одначе злякавсь, дай стоитъ, одначе изъ-за вугла его по потылыци ударено! бачу скверно! та дали пана пидъ бикъ помалу—товкъ! а винъ заразъ — цокъ! а дали пиднявъ рушныцю до плеча, та въ друге — цокъ! Бачу, неперелевкы! пиднявъ соби рушныцю, да якъ шаркну! прямо у пидъ серце, дакъ та сердешна скотына зразу брыкъ! подрыгала трохе ногамы, дай заклякла!

— Оце, кажу, добре! маханъ буде! А пани роздевляется, че нема кого поблезу, да заразъ и каже:—„Ну, братець, вотъ тоби тры карбованьця, да кажы усимъ, що це не ты, а я убовъ сю звирюку.“—Подякувавъ я за гроши, да и кажу:—слухаю паночку.—А винъ, мерщи, посела у казарму за

гарбою, да и повизъ его у Башуй, та и мене увзявъ. А вже тутъ розибралы его, тай повезлы у городъ.

— Значитъ ты продалъ оленя за три рубля?—сказалъ Л. Р.

— Продавъ-то продавъ; а ось дядько Ломака кажуть, що якъ-бы я себе объявывъ убыйцею, то-бъ заробывъ десять карбованцевъ!

— Совершенно вѣрно,—подзадоривалъ мужика Л. Р.—за рога ты получилъ-бы пять руб.; за шкуру три рубля, за ноги одинъ руб., да за мясо отъ каждаго охотника по 50 к., а насъ 12 человѣкъ, значитъ 6 рублей ,а всего пятнадцать руб.!—Продешевилъ дружище!

— Да я его и у городи знайду!—кричалъ расходившійся мужикъ.

— Постой, не шуми,—сказалъ тотъ-же Л. Р.—А чѣмъ-же ты можешь доказать, что оленя убилъ ты, а не его благородіе?

— Якъ чимъ? да я пидъ прысягу пиду.

— Кто-же тебѣ дастъ присягу?

— Тоди ось що зробемо: визьмить панова ружжа, да мое, воны обыдва здесь.

— А гдѣ-же панове ружье?

— Винъ его покынувъ старшини.

Дѣйствительно ружье оказалось у старшины и по тщательномъ осмотрѣ оказалось, что оно было заряжено, а пистоны разбиты; осѣчки были очевидны. Сомнѣнія всѣ были разсѣяны, когда было принято во вниманіе слышанныя мною двѣ осѣчки, бѣгство и разсказъ мужичка.

Тѣмъ не менѣе почтенный И. А. украсилъ оленьими рогами свою переднюю и съ гордостью разостлалъ оленью шкуру въ своемъ кабинетѣ.

На всѣ насмѣшки по поводу покупки оленя онъ отдѣлывался шуточками и разсказывалъ, что это мы изъ зависти выдумали подобную исторію, на которую онъ не обращаетъ никакого вниманія.

Впослѣдствіи мы узнали, что Саблынскій мужичекъ дополучилъ съ распорядительнаго И. А. еще пять рублей.

Симферополецъ.